

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КИТАЙЦА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ТЕХНИЧЕСКИ ОПОСРЕДОВАННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М. Е. Трубчанинова

Воронежский государственный университет

На материале SMS-сообщений, электронных писем и телефонных разговоров автор выявляет специфические черты языковой личности китайца, актуализированные в коммуникации с носителями русского языка. При поуровневом описании языковой личности китайца, характеризующейся дискурсивностью и маргинальностью, особое внимание уделяется анализу речеповеденческих стратегий китайцев.

Теория межкультурной коммуникации рассматривает ряд проблем, одной из которых является процесс вхождения инофона в новую культурно-языковую среду [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 12]. Актуальность решения данной проблемы обусловлена объективными процессами глобализации, в частности — интенсивным развитием китайско-российских отношений.

Особый интерес для лингвистов представляют межличностные контакты этнических китайцев с носителями языка иного типологического строя — русского. Поскольку эта проблема носит выраженный антропоцентрический характер, одним из путей ее решения является изучение языковой личности. Под языковой личностью вслед за В. И. Карасиком в настоящей работе понимается «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [5, 429].

Изучение языковой личности китайца (ЯЛК) в русскоязычной среде позволило выявить целый ряд ее специфических черт. При этом использовались данные устной и письменной коммуникации, опосредованной технически (сообщения, распространенные по таким каналам коммуникации, как стационарная проводная и мобильная телефонная связь, электронная почта). Технически опосредованное коммуникативное пространство, виртуальное по своей сути, возникает на пересечении языковой среды и технически опосредованной коммуникации и представляет собой важную составляющую межкультурной коммуникации.

В зависимости от частных задач речевого общения личность по-разному реализует себя в процессе коммуникации (при соблюдении норм этикета, при выражении оценки, при номинации лиц,

при описании речемыслительных процессов, при реализации лексико-грамматических норм), что позволяет считать ЯЛК дискурсивной. Такую личность отличают не просто высокая степень освоения чужого языка с его конгломератом языковых единиц и значений, но и повышенная рефлексивность. Эта склонность к анализу собственных речевых действий для ЯЛК вызвана главной стратегией «сохранения своего лица» в гомогенной культурно-языковой среде. При этом в инокультурной среде она распространяется китайским адресантом также на адресата.

Поуровневое описание ЯЛК (т. е. на вербально-семантическом, тезаурусном, мотивационном уровнях) в инокультурной языковой среде позволяет охарактеризовать ее как носителя ряда амбивалентных черт. В первую очередь необходимо отметить, что на вербально-семантическом уровне ЯЛК отличает владение основами грамматической системы русского языка на базе коммуникативного минимума, однако целый ряд грамматических ошибок характеризует ЯЛК не просто как носителя родного китайского языка, но и как субъекта, апплицирующего слова, значения и грамматические конструкции на родной язык.

Поскольку в китайском языке допустимо спонтанное словообразование в соответствии с потребностями говорящего, то эти навыки ЯЛК переносит на иную языковую среду, включаясь в ситуативную коммуникацию. В случае незнания лексемы для выражения понятия ЯЛК в устном диалоге «на ходу» моделирует понятийное содержание при помощи других лексем того же понятийного поля. Приведем примеры, иллюстрирующие данную особенность ЯЛК, проявляющуюся в спонтанной коммуникации (т. е. в телефонном разговоре): *вода зима машина* 'тосол'; *дверь мяч* 'голкипер'; *подвал цирк* 'подземный переход недалеко от здания

Воронежского цирка'; *стакан пиво* 'бутылка'; *мама яйца* 'курица'; *курица сын* 'яйцо'; *после дождей многоцветный* 'радуга'; *волосы короткий* 'парикмахерская'; *цифры считать* 'калькулятор'; *после снег первые цветы на земле* 'подснежники'; *кольцо на запястье* 'браслет'; *включатель на двери* 'замок'; *внутри ручки можно менять* 'стержень'; *шкаф деньги пароль* 'сейф'. При этом дискурсивный характер личности проявляется в коммуникативном лавировании в соответствии с задачами общения.

С этой целью используется подчиненная стратегия «брода». Стратегия «брода» — это такая речевая организация высказывания, диалога или повествования, которая обнаруживает периодическое согласование позиций коммуникантов по инициативе ЯЛК. Ее отличительная особенность состоит в периодическом запросе информации коммуникантом относительно не сведений, но мнения адресата (*Что Вы думаете? А Вы знаете?*). Для русского коммуниканта эта стратегия выглядит непривычной, если он не участник публичной научной дискуссии. Для китайского дискурса эта стратегия органична, поскольку в заботе о своем лице и лице собеседника ЯЛК идет как бы по пути нащупывания дна под ногами, когда переходишь реку без моста. У китайцев есть такие выражения: 试探出谈判的基础 *Shì tàn chū tán pàn de jī chǔ* 'Нащупать почву для переговоров'; 摸着石头过河 *Mō zhe shí tóu guò hé* 'Переходить реку, нащупывая камни'. Как по камням можно перейти реку вброд, так и добиться взаимопонимания можно путем апеллирования к общим мнениям, уточнению позиций. Наиболее ярко эта черта дискурсивной ЯЛК проявляется в том случае, когда в устной и письменной технически опосредованной коммуникации адресант прибегает в метаописанию собственных речевых действий и подтверждает истинность ментальных действий. При этом срывает формула истинности речевого поступка: я так говорю — значит я так думаю. Чтобы адресат не сомневался в истинности мыслей и в личной искренности, адресант несколько раз в течение телефонного диалога или в письме и SMS-сообщении подтверждает правдивость сказанного или написанного. Таким способом модальность объективности придается высказыванию в дискурсе: не только сказанному, но и мыслям, и внеречевой действительности.

Однако эти речемыслительные действия корректируются ЯЛК в зависимости от канала коммуникации. В телефонном диалоге использование

грамматических конструкций *Я думаю..., Вы знаете...?* составляет 70 % от общего числа, а в электронном письме — 85 %. В SMS-сообщении эти выражения почти не используются в силу особой оперативности данного вида синкретичной коммуникации — телефонной посредством письма.

Что касается специфики каналов технически опосредованной коммуникации, то они дают полное представление о ЯЛК как маргинале (см. подробнее [11]). Наиболее показательным в этом смысле SMS-сообщение, где пишущему приходится в кратчайший срок минимальными языковыми средствами запросить информацию, ответить на запрос или просто проинформировать. Для письменной коммуникации в целом характерны стратегии длительного подхода к теме и «зеркальность». Перенесенная в электронную коммуникацию «зеркальность» рождает курьезы (электронное письмо может быть подписано инициалами русского адресанта).

Анализ ЯЛК на вербально-семантическом уровне показал, что диффузная семантика глагола *думаю* (процесс и мнение) коренится в китайском языке, что свидетельствует о маргинальном характере дискурсивной ЯЛК. Коррелирующий с внеязыковой действительностью речевой поступок направлен на заботу об обоюдном важном сохранении лица коммуникантов с помощью стратегии «брода».

При номинации лиц проявляется иная стратегия — стратегия «штриха» (характерологического признака), которая позволяет описать ЯЛК на тезаурусном уровне как оперирующую теми же понятиями, что и дистанцированный от него адресат — носитель русского языка. Суть стратегии «штриха» состоит в метонимической номинации третьего лица по какому-либо внешнему (*высокий, волосы красные*) или неочевидному (профессия, пристрастия) признаку. Использование этой стратегии также подтверждает дискурсивный характер маргинальной ЯЛК. С одной стороны, ЯЛК избегает использования орфоэпически трудных имен (*преподаватель, котрый всегда новая одежда*). Это не значит, что ЯЛК не знает подлинного имени, а значит, что таким образом личность будет быстро идентифицирована без искажения, а коммуникант не ошибется и избежит экстерииоризационного стресса (термин мой — М.Т.), т. е. стресса, вызванного неумением реализовать себя в речи в соответствии с внутренним планом речевого поступка. Однако такой способ номинации относится исключительно к третьему лицу, в отношении адресата он не используется.

При употреблении этикетных формул обращения к собеседнику крайне редки. Так, в ходе телефонных разговоров обращение по имени и отчеству в русской коммуникативной культуре обязательно. В китайской культуре в устном дискурсе к собеседнику обращаются по имени, как правило, в случае просьбы.

Как показал анализ расшифрованных записей телефонных разговоров, а также электронных писем и SMS-сообщений, на мотивационном уровне ЯЛК отличается наибольшей зависимостью от исконной культурно-языковой картины мира и исходной стратегии «сохранения лица». В ущерб индивидуальности ЯЛК подстраивается под коммуникативный опыт адресата путем использования специфической стратегии «брота» на фоне объективной модальности высказывания и текста в целом.

Таким образом, ЯЛК — это дискурсивная личность маргинала, отличающаяся рядом амбивалентных черт:

1. С точки зрения освоения русского языка (вербально-семантический уровень языковой личности) ЯЛК, включившаяся в технически опосредованную коммуникацию, владеет русским языком настолько, чтобы в основном передать содержание мысли, оценить поступки и т.п. Однако при этом для ЯЛК органично использование в русской речи китайских деривационных моделей (*Узел Сичжу стал базой для ведения зайцев с длиннопухами* ‘зайцы с длинным пухом; длинношерстные зайцы’) или метонимического описания как способа представления по отличительному признаку (*Елена-языкознание*). Таким образом, на вербально-семантическом уровне ЯЛК в большей мере сохраняет исконные черты.

2. С точки зрения этикета (мотивационный уровень языковой личности) ЯЛК обнаруживает наибольшую зависимость от исконной китайской языковой традиции. В то же время она характеризуется зеркальным (по сути — отражательным) следованием этикетным формулам, принятым в русской традиции, и поиском более приемлемых аналогий в китайском языке.

3. С точки зрения умения самореализоваться в речевом поступке (мотивационный уровень) ЯЛК использует известные способы изложения (описание, повествование с элементами рассуждения), при этом прибегает к специфическим коммуникативным стратегиям «брота» и «штриха». Это способствует, с одной стороны, профилактике коммуникативных сбоев, а с другой стороны — воплощению модальности объективности.

4. С точки зрения аксиологической (тезаурусный уровень) ЯЛК в процессе коммуникации прибегает к различным средствам реализации оценки — от открытой положительной в отношении преимущественно личностей до завуалированной (как положительной, так и отрицательной). При выражении оценки воплощается особая модальность коммуникативной объективности. Ее особенность состоит в приписывании одному объекту как положительных, так и отрицательных (в крайне редких случаях) свойств. О высокой степени маргинальности свидетельствует использование — с различной степенью уместности — художественных (изобразительно-выразительных) средств. Однако и в случае неуместной экспрессии коммуниканты не испытывают серьезных преград на пути общения. Приведем в качестве примера отрывок из электронного письма китайского студента: *Наша новая преподавательница — Раиса Андреевна, тоже очень интересная, как вы. Я думаю, что она тоже похожа на обезьяну, потому что она тоже часто играет на уроке. Нам тоже нравится она. Тогда я узнал, что познакомиться с новой преподавательницей — это счастье.* Сомнительный с точки зрения русской языковой личности комплимент *тоже похожа на обезьяну* отражает ментальные несовпадения языковой личности китайца и русского. Однако в поисках средств наибольшей языковой выразительности ЯЛК следует этикетным канонам собственной лингвокультуры, что также свидетельствует о ее маргинальном характере.

5. С точки зрения номинации лиц и объектов (мотивационный уровень) ЯЛК проявляет наибольшую маргинальность. С одной стороны, ЯЛК следует русской нормативной практике, где собеседник и третьи лица именуется путем воспроизведения имени и отчества. С другой стороны, ЯЛК следует исконной китайской традиции, где лица номинируются по профессии. На маргинальный характер ЯЛК указывают также и переименования (*Коля* вместо ‘Лю Синго’) с помощью ассоциативно-метонимического или функционального переноса (*лампа / торт / день рождения* ‘свечка’); путем указания на явления, сопутствующие роду деятельности лица (*врач / как / они как / врач который обучает что / рождает ребёнка* ‘гинеколог’).

Итак, при экстерииоризации ЯЛК сохраняет типологические черты маргинала, сознательно приспособляющегося к иному культурно-языковому пространству, но дискурсивно включенного в исконную лингвокультурную среду.

ЯЛК в русскоязычном технически опосредованном коммуникативном пространстве отличается:

- высокой степенью зависимости от исконных культурно-языковых традиций;
- перенесением исконных коммуникативных стратегий в инокультурное общение;
- сознательной установкой на аккомодацию в инокультурной и иноязычной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гришаева Л.И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. — 2-е изд., дополн. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. — 424 с.
2. *Грушевицкая Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — 352 с.
3. *Донец П.Н.* Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. — Харьков: Штрих, 2001. — 386 с.
4. *Донец П.Н.* Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: автореф. дис. ... докт. филол. наук / П. Н. Донец. — Волгоград, 2004. — 39 с.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
6. *Леонтович О.А.* Межкультурная трансформация личности / О. А. Леонтович // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: Материалы международной научно-практической конференции. — Красноярск: РИО КГПУ, 2003. — С. 102—115.
7. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О. А. Леонтович. — М.: Гнозис, 2005. — 352 с.
8. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие / О. А. Леонтович. — М.: Гнозис, 2007. — 368 с.
9. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 352 с.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. — М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. — 286 с.
11. *Трубчанинова М.Е.* Маргинальная языковая личность китайцев в дистантном диалоге / М. Е. Трубчанинова // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: сб. статей. — Вып. 7. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. — С. 65—75.
12. *Цурикова Л.В.* Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — 257 с.